

μ

ЮРИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ / 4

МАМЛЕЕВ

Москва 2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки
использованы фрагменты картин художника
Иеронима Босха

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках реализации
государственной программы Российской Федерации
«Развитие культуры и туризма».

Мамлеев, Юрий Витальевич.

М22 Собрание сочинений. Том 4 / Юрий Мамлеев. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-104617-0

Юрий Мамлеев — родоначальник жанра метафизического реализма, основатель литературно-философской школы. Сверхзадача метафизика — раскрытие внутренних бездн, которые таятся в душе человека. Самое афористичное определение прозы Мамлеева — Литература конца света.

Жизнь довольно кошмарна: она коротка... Настоящая литература обладает эффектом катарсиса, который безусловен в прозе Юрия Мамлеева, ее исход — таинственное очищение, даже если жизнь описана в ней как грязь. Главная цель писателя — сохранить или разбудить духовное начало в человеке, осознав существование великой метафизической тайны Бытия. В 4-й том Собрания сочинений включены романы «После конца», «Вселенские истории», рассказы XXI века.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мамлеев Ю. В., наследник, 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104617-0

ПОСЛЕ КОНЦА / РОМАН

Часть I

ГЛАВА 1

Валентин Уваров почувствовал, что сошел с ума. Удар в сознание, а дальше — непонятно, наверное, никому на свете, что с ним произошло. Легче принять смерть, чем это. А ведь он был в жизни своей (Валентину исполнилось недавно 30 лет) весьма и весьма глубинен, много читал, общался в самых потаенных московских кружках, которые существовали в начале нашего XXI столетия...

Наконец Валентин огляделся. «Оглядеться никогда не мешает», — подумалось где-то за пределами ума. Но куда смотреть — в себя или вокруг? Валентин взглянул вокруг. Милый лесок с невинными птичками, поляна в цветах — все исчезло, как будто их всех сдунула незримая, но высшая сила...

Оглянувшись, все-таки Валентин понял, что лучше заглянуть в самого себя. Там уже почти прошло ощущение глобального сдвига, и из океана неопикуемого вполне проглядывала его полузагадочная, но привычная личность. Да, это был он. Личность осталась.

А вдали и вокруг творилось нечто действительно неопикуемое, и не только с точки зрения здравого смысла.

Откуда взялись эти дикие, людоедские, если интуитивно взглядеться, деревья? С их ветвями, обращенными вверх, словно с мольбой о милосердии?

Над головой — черное небо, но почему-то светящееся, словно тьма может излучать свет. Свой свет мрака!

Но была ли ночь?! Вдали на горизонте что-то пылало багровым, по-человечески живым пламенем! Словно люди превратились в огонь.

А земля? По ней и ступать было страшно. Она путалась, шипела под ногами, как змея.

Недобрая это была земля.

«Все ясно, — решил Уваров. — Я на самом деле сошел с ума. Все, что я вижу, — мираж, невиданная самим дьяволом галлюцинация. Что делать?»

Уваров вдруг сам зашипел.

«Если я сошел с ума, то все позволено, — попытался успокоить он сам себя. — Иди, Валя, вперед. Видишь дорожку?! Ну и иди по ней, будь она самой проклятой черной галлюцинацией. Иди по ней».

Дорожка и вправду не путалась, виделась, как на балу. Хоть танцуй, хоть беги.

И Уваров побежал. Скорей, скорей, чтоб мираж исчез. «От бега и на душе легче», — подумал он, ни о чем не думая. А внутри что-то стучало: «Это смерть, Валя, но смерть вторая, самая страшная. — «А за что?» — «Да ни за что. Просто так». — «Такое не бывает». — «На белом свете и правда не бывает, а вот у нас, Валя, это как правило», — прозвучало что-то внутри.

Уваров попробовал унять, усмирить душу и все, что в ней оказалось, словно это была не душа, а все-ленский мешок. Но тут кто-то его укусил.

Слава богу, это был человек. Скорее не человек еще, а дитя, маленькое, юркое и не по росту бесшабашное.

На Уварова смотрели детские глаза, но что-то в них было подозрительное и, мягко говоря, совсем не детское.

— Ты чего кусаешься? — тупо спросил Уваров. Дитя в ответ дико заверещало непонятно что и вдруг вцепилось Уварову прямо в брюки, в член. Уваров инстинктивно защитился и увидел на миг глаза ребенка, полные ненависти и, кажется, наслаждения, которому нет конца.

В ужасе Валентин отбросил ребенка и опять побежал. Но куда бежать? На горизонте — пылающий мрак, силуэты причудливых зданий, словно растворяющихся в воздухе. «Мираж» не исчезал, а Уваров все бежал и бежал.

Наконец остановился — не стало сил. Мальчик оставался далеко позади, но упорно приближался, точно заведенный...

Уваров начал молиться, но с ужасом почувствовал, что слова молитвы падают в пустоту, словно это пространство не принимало молитв.

И внезапно — рев машины. На дороге оказалось нечто похожее на автомобиль, точнее, бронированный вездеход дикой формы. Из него выскочили четверо низкорослых, но коренастых мужчин, видимо хорошо вооруженных. Чем — Уваров не понял. Они злобно, резко направились к нему. Подскочил и мальчишка. Один из мужчин ударил его кулаком в голову, и ребенок отлетел в канаву. Другой — подошел и изнасиловал его, мужчины же стояли и поджидали насильника. Валентин тоже сто-

ял. Изнасиловавший быстро вернулся, а мальчишка как ни в чем не бывало выглянул из канавы и все смотрел и смотрел.

Вооруженные люди подошли к Уварову, что-то прошипели на совершенно незнакомом языке, если это вообще был язык.

Они впихнули Уварова, находящегося почти в сомнамбулическом состоянии, в машину и поехали.

...Уваров очнулся, надеясь на конец сновидения. Не тут-то было. Один из вооруженных дал ему по зубам и вывел из машины на свет...

То был город с пугающими своей странностью домами: люди, которых, наверное, можно было бы назвать полицейскими, схватили Уварова за шиворот и ввели в здание. Он опять потерял сознание, память и ум, но вооруженные не обратили на это внимания.

Уваров очнулся, когда был уже на сцене, — сооружение, во всяком случае, напоминало сцену. А вокруг — не зрительный зал, а нечто хаотичное. Стулья стояли не рядами, а где попало, и множество крайне низкорослых людей сидели, лежали на полу, стояли, подпрыгивали тоже где попало. Одежда их, однако, была проста. При всем ее разнообразии — ничего лишнего.

Рядом с Уваровым стоял человек и что-то говорил, по-видимому, в микрофон на том же невообразимом языке и указывал на Уварова. Позади говорящего — охранники, почему-то с цепями.

До Уварова наконец дошло, что никакая это не галлюцинация, не черный мираж, не выжившее из ума сновидение, материализовавшееся ка-

ким-то образом, перед ним — так называемая реальность.

Было о чем задуматься. И кровь текла изо рта лишь чуть-чуть реально, видимо, повредил зуб. Тогда Уваров закричал. Кричал он громко, путая русские, английские и французские слова. Все слушали его, не мешая.

Он кричал о том, что можно не верить в Бога, но надо, по крайней мере, уважать любое живое существо, если у него есть глаза, которые смотрят и видят мир.

После его сумбурной, почти безумной речи воцарилось молчание.

Человек рядом опять заговорил, а двое охранников подошли поближе к Уварову. И внезапно люди точно сорвались с места. Уваров только хотел крикнуть, что он не с Луны свалился, но не успел. Кругом завывали, завизжали, но в основном прыгали назад и вперед, некоторые приплясывали, другие просто совокуплялись на глазах у окружающих. Но вокруг стоял хохот. Многие указывали пальцами на Уварова и давились от хохота, но как-то неестественно и пугающе. Некоторые подбегали совсем близко к Уварову, и Валентина шатало от их взглядов, бессмысленно-трупных.

Активность толпы вдруг затихла. Даже совокупающиеся расцепились и пришипенились. Вошли люди в темно-синей форме, подтянутые, но свирепые от избытка своих полномочий. Они подошли к Уварову и отшвырнули оратора, стоящего рядом с ним. Охранники исчезли. Полномочные вежливо-жестко подхватили Уварова и увели его. Длинными подземными коридорами, темными, как

ночь, его провели в огромную полупустую комнату. В центре ее, в кресле, под чучелом невиданной громадной птицы, напоминающим скелет птеродактиля, сидел худой, благообразный на вид старик. Рядом с ним, на стуле, сидел, как изваяние, другой старик, напоминающий большую гадливую кошку. Он раскрыл рот и жестом дал знать Уварову, чтоб он говорил.

Валентин заявил, что он просит доставить его в российское посольство, и повторил свое высказывание несколько раз, то спокойно, то истерично.

Гадливый старичок, видимо, ничего не понял, он лишь внимательно прислушивался к звукам. Потом что-то шепнул на ухо своему отрешенному, как мумия, начальнику. Тот дал указание пальцем.

Старичок подскочил к Уварову и стал его ощупывать и обнюхивать. Прошелся по спине, по заднице, дернул за член, и лицо его выражало полное изумление.

Валентин посмотрел ему в глаза, гадливый старичок улыбнулся, но в его круглых, как луны, глазах проблеснул патологический ужас. Отскочил и, обернувшись к мумиеобразному начальнику, что-то заверещал. Тот наконец ответил — тихо, но грозно. Стражники схватили Уварова, накинули на него ошейник и вывели во двор. Там стояла сигарообразная, серебристого цвета машина, и Уваров, решивший ни о чем не думать, кроме смерти, оказался в ней.

Машина двинулась. Стражники с ничего не выражающими лицами сели рядом. Один из них шумно испустил непристойный звук, никто не пошевелился.

Валентин вглядывался в окружающий мир, надеясь найти в нем что-то знакомое. Ничуть. Этот мир поражал своей агрессивной мертвенностью. Облака, тучи нависали необычно низко, заслоня собой бездонную голубизну неба.

Лес походил на живое существо, пораженное предсмертной агонией. Пробежал зверек, словно сошедший с ума.

— И непонятно даже, — пробормотал Валентин, — что сейчас, день или ночь. Может быть, здесь день превращен в ночь, а ночь в день.

Он попытался помыслить рационально, прийти в себя. Во-первых, он жив, а следовательно, жива в нем и вера в Бога. Во-вторых, он попал неизвестно куда, но ведь на свете могут происходить вещи, которые не снились не только философам, но и всем людям, вместе взятым, включая так называемых ученых. В-третьих, если его убьют — это не катастрофа, все умирают и продолжают жить иной жизнью, как и сказано во всех Откровениях. Только не надо задавать себе истерических вопросов: Что это за мир? Где он? Что означают эти люди?.. Рано или поздно это выяснится само собой.

Валентин взял себя в руки. Это был весьма приятный светловолосый человек, глаза зеленые, умные... В конце концов, он не даром вживался в эзотерические, пусть даже скорее полуэзотерические московские круги. Писал стихи, которые встречали глубокий отклик, переводил любопытные книги.

«Самое главное сейчас — не сойти с ума, — подумал Валентин. — Как тот зверек, что пробежал под землю мимо...»

Но не сойти с ума оказалось трудным делом. Ум настолько распатался от всего увиденного, что Валентину казалось — еще немного, и ум полетит в бездну, и что возникнет вместо ума, одному Богу известно. Ум висел над пропастью, из которой нет возврата...

А машина мчалась и мчалась.

Внезапно — стоп, приехали. Уварова вытолкали наружу. Перед ним было нечто вроде крепостной стены, уходящей вдаль, в бесконечность. Но в стене оказались ворота. Они медленно открылись. Валентин ожидал увидеть там нечто чудовищное, вроде спрута, пожирающего самого себя, но за стеной виднелась дорожка, поляна, кустарники, деревья... Охранники ввели Уварова внутрь. У ворот стояла молчаливая стража.

Во время поездки Валентина больше всего угнетало молчание. Молчали не только охранники, молчало все: природа, деревья, небо, весь мир. Автомобиль и тот ехал бесшумно. Мир вокруг молчал так, как будто его уже не существовало. Зловещее это было молчание...

Охранники повели Валентина по дорожке. Шли недолго — минут пятнадцать, если считать по-нашему, и наконец Валентин увидел небольшой одноэтажный домик. Словно дача какая-то. Охранники указали ему на домик, а сами неожиданно повернулись и пошли назад. Валентин оцепенел, но ему ничего не оставалось, как идти к домику.

«Пространство все это, видимо, окружено стеной, — подумал он. — Да и куда идти? Только к домику». Валентин огляделся. Как ни странно, природа здесь оказалась как-то чуть-чуть человечней, немно-

го мягче, что ли. Он побрел к домику, один, в своем легком летнем костюмчике, купленном в Питере... Но опасность сумасшествия не сходила. Окна домика были открыты, и вдруг он услышал такое, отчего холод прошел по спине. Он почувствовал, что сердце вот-вот разорвется.

Слышал он пение: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, родимая, попусту в изъясн...» Пела женщина, на чистом русском языке. Потом открылась дверь, и на пороге появилась девушка в народном русском одеянии. На ее голове красовался кокошник.

Если можно сойти с ума дважды, сначала один раз, а потом еще один, в глубь безумия, — то именно в таком состоянии застыл Валентин. Но второе безумие было уже блаженным.

ГЛАВА 2

— Мама, мама, еще один! — закричала девушка в глубину дома. — Он русский, наш, сразу видно!

На ее зов вышли пожилые люди, женщина и мужчина, лет пятидесяти, может быть, тоже в народной одежде, похожей на ту, которую носили в XIX веке. Они остолбенело смотрели на Валентина. Но девушка решительно и неожиданно побежала к нему.

— Не бойсь, — тихо сказала она. — Здесь свои. Никто тебя не обидит. Идем в дом.

— Где я? — спросил Валентин.

— В аду, — ответила девушка. — Но здесь наше пристанище, и тут не ад, а русский дом.